

Так оно и было...

Всю жизнь руки по швам! Не смел пикнуть. Теперь расскажу...

В детстве... как себя помню... я боялся потерять папу... Пап забирали ночью, и они исчезали в никуда. Так пропал мамин родной брат Феликс... Музыкант. Его взяли за глупость... за ерунду... В магазине он громко сказал жене: «Вот уже двадцать лет советской власти, а приличных штанов в продаже нет».

Сейчас пишут, что все были против... А я скажу, что народ поддерживал посадки. Взять нашу маму... У нее сидел брат, а она говорила: «С нашим Феликсом произошла ошибка. Должны разобраться. Но сажать надо, вон сколько безобразий творится вокруг». Народ поддерживал... Война!

После войны я боялся вспоминать войну... Свою войну... Хотел в партию вступить – не приняли: «Какой ты коммунист, если ты был в гетто?». Молчал... молчал...

Была в нашем партизанском отряде Розочка, красивая еврейская девочка, книжки с собой возила. Шестнадцать лет. Командиры спали с ней по очереди... «У нее там еще детские волосики... Ха-ха...». Розочка забеременела... Отвели подальше в лес и пристрелили, как собачку. Дети рождались, - понятное дело, полный лес здоровых мужиков.

Практика была такая: ребенок рождается – его сразу отдают в деревню. На хутор. А кто возьмет еврейское дитя? Евреи рожать не имели права. Я вернулся с задания: «Где Розочка?» – «А тебе что? Этой нет – другую найдут».

Сотни евреев, убежавших из гетто, бродили по лесам. Крестьяне их ловили, выдавали немцам за пуд муки, за килограмм сахара. Напишите... я долго молчал... Еврей всю жизнь чего-то боится. Куда бы камень ни упал, но еврея заденет.

Уйти из горящего Минска мы не успели из-за бабушки... Бабушка видела немцев в 18-м году и всех убеждала, что немцы – культурная нация и мирных людей они не тронут. У них в доме квартировал немецкий офицер, каждый вечер он играл на пианино. Мама начала сомневаться: уходить – не уходить? Из-за этого пианино, конечно...

Так мы потеряли много времени. Немецкие мотоциклисты въехали в город. Какие-то люди в вышитых сорочках встречали их с хлебом-солью. С радостью. Нашлось много людей, которые думали: вот пришли немцы, и начнется нормальная жизнь. Многие ненавидели Сталина и перестали это скрывать. В первые дни войны было столько нового и непонятного...

Слово «жид» я услышал в первые дни войны... Наши соседи начали стучать нам в дверь и кричать: «Всё, жиды, конец вам! За Христа ответите!». Я был советский мальчик. Окончил пять классов, мне двенадцать лет. Я не мог понять, что они говорят. Почему они так говорят? Я и сейчас этого не понимаю...

У нас семья была смешанная: папа – еврей, мама – русская. Мы праздновали Пасху, но особенным образом: мама говорила, что сегодня день рождения хорошего человека. Пекла пирог. А на Пейсах (когда Господь помиловал евреев) отец приносил от бабушки мацу. Но время было такое, что это никак не афишировалось... надо было молчать...

Мама пришила нам всем желтые звезды... Несколько дней никто не мог выйти из дома. Было стыдно... Я уже старый, но я помню это чувство... Как было стыдно...

Всюду в городе валялись листовки: «Ликвидируйте комиссаров и жидов», «Спасите Россию от власти жидобольшевиков». Одну листовку подсунули нам под дверь... Скоро... да... Поползли слухи: американские евреи собирают золото, чтобы выкупить всех евреев и перевезти в Америку. Немцы любят порядок и не любят евреев, поэтому евреям придется пережить войну в гетто... Люди искали смысл в том, что происходит... какую-то нить... Даже ад человек хочет понять.

Помню... Я хорошо помню, как мы переселялись в гетто. Тысячи евреев шли по городу... с детьми, с подушками... Я взял с собой, это смешно, свою коллекцию бабочек. Это смешно сейчас... Минчане высыпали на тротуары: одни смотрели на нас с любопытством, другие со злорадством, но некоторые стояли заплаканные. Я мало оглядывался по сторонам, я боялся увидеть кого-нибудь из знакомых мальчиков. Было стыдно... постоянное чувство стыда помню...

Мама сняла с руки обручальное кольцо, завернула в носовой платок и сказала, куда идти. Я пролез ночью под проволокой... В условленном месте меня ждала женщина, я отдал ей кольцо, а она насыпала мне муки. Утром мы увидели, что вместо муки я принес мел. Побелку. Так ушло мамино кольцо. Других дорогих вещей у нас не было...

Стали пухнуть от голода... Возле гетто дежурили крестьяне с большими мешками. День и ночь. Ждали очередного погрома. Когда евреев увозили на расстрел, их впускали грабить покинутые дома. Полицаи искали дорогие вещи, а крестьяне складывали в мешки все, что находили. «Вам уже ничего не надо будет», – говорили они нам. Однажды гетто притихло, как перед погромом. Хотя не раздалось ни одного выстрела. В тот день не стреляли... Машины... много машин... Из машин выгружались дети в хороших костюмчиках и ботиночках, женщины в белых передниках, мужчины с дорогими чемоданами.

Шикарные были чемоданы! Все говорили по-немецки. Конвоиры и охранники растерялись, особенно полицаи, они не кричали, никого не били дубинками, не спускали с поводков рычащих собак. Спектакль... театр... Это было похоже на спектакль... В этот же день мы узнали, что это привезли евреев из Европы.

Их стали звать «гамбургские» евреи, потому что большинство из них прибыло из Гамбурга. Они были дисциплинированные, послушные. Не хитрили, не обманывали охрану, не прятались в тайниках... они были обречены... На нас они смотрели свысока. Мы бедные, плохо одетые. Мы другие... не говорили по-немецки...

Всех их расстреляли. Десятки тысяч «гамбургских» евреев...

Этот день... всё как в тумане... Как нас выгнали из дома? Как везли? Помню большое поле возле леса... Выбрали сильных мужчин и приказали им рыть две ямы. Глубокие. А мы стояли и ждали. Первыми маленьких детей побросали в одну яму... и стали закапывать... Родители не плакали и не просили. Была тишина. Почему, спросите?

Я думал... Если на человека напал волк, человек же не будет его просить, умолять оставить ему жизнь. Или дикий кабан напал... Немцы заглядывали в яму и смеялись, бросали туда конфеты. Полицаи пьяные в стельку... у них полные карманы часов... Закопали детей... И приказали всем прыгать в другую яму. Стоим мама, папа, я и сестренка.

Подошла наша очередь... Немец, который командовал, он понял, что мама русская, и показал рукой: «А ты иди». Папа кричит маме: «Беги!». А мама цеплялась за папу, за меня: «Я с вами». Мы все ее отталкивали... просили уйти... Мама первая прыгнула в яму...

Это всё, что я помню... Пришел в сознание от того, что кто-то сильно ударил меня по ноге чем-то острым. От боли я вскрикнул. Услышал шепот: «А тут один живой». Мужики

с лопатами рылись в яме и снимали с убитых сапоги, ботинки... все, что можно было снять...

Помогли мне вылезти наверх. Я сел на край ямы и ждал... ждал... Шел дождь. Земля была теплая-теплая. Мне отрезали кусок хлеба: «Беги, жиденок. Может, спасешься».

Деревня была пустая... Ни одного человека, а дома целые. Хотелось есть, но попросить было не у кого. Так и ходил один. На дороге то резиновый бот валяется, то галоши... косынка... За церковью увидел обгоревших людей. Черные трупы. Пахло бензином и жареным...

Убежал назад в лес. Питался грибами и ягодами. Один раз встретил старика, который заготавливал дрова. Старик дал мне два яйца. «В деревню, – предупредил, – не заходи. Мужики скрутят и сдадут в комендатуру. Недавно двух жидовочек так поймали».

Однажды заснул и проснулся от выстрела над головой. Вскочил: «Немцы?». На конях сидели молодые хлопцы. Партизаны! Они посмеялись и стали спорить между собой: «А жиденыш нам зачем? Давай...» – «Пускай командир решает».

Привели меня в отряд, посадили в отдельную землянку. Поставили часового... Вызвали на допрос: «Как ты оказался в расположении отряда? Кто послал?» – «Никто меня не посылал. Я из расстрельной ямы вылез». – «А может, ты шпион?» Дали два раза по морде и кинули назад в землянку.

К вечеру впихнули ко мне еще двоих молодых мужчин, тоже евреев, были они в хороших кожаных куртках. От них я узнал, что евреев в отряд без оружия не берут. Если нет оружия, то надо принести золото. Золотую вещь. У них были с собой золотые часы и портсигар – даже показали мне, – они требовали встречи с командиром. Скоро их увели. Больше я их никогда не встречал... А золотой портсигар увидел потом у нашего командира... и кожаную куртку... Меня спас папин знакомый, дядя Яша. Он был сапожник, а сапожники ценились в отряде, как врачи. Я стал ему помогать...

Первый совет дяди Яши: «Поменяй фамилию». Моя фамилия Фридман... Я стал Ломейко... Второй совет: «Молчи. А то получишь пулю в спину. За еврея никто отвечать не будет».

Так оно и было... Война – это болото, легко влезть и трудно вылезти. Другая еврейская поговорка: когда дует сильный ветер, выше всего поднимается мусор. Нацистская пропаганда заразила всех, партизаны были антисемитски настроены. Нас, евреев, было в отряде одиннадцать человек... потом пять...

Специально при нас заводились разговоры: «Ну какие вы вояки? Вас, как овец, ведут на убой...», «Жиды трусливые...». Я молчал. Был у меня боевой друг, отчаянный парень... Давид Гринберг... он им отвечал. Спорил. Его убили выстрелом в спину. Я

знаю, кто убил. Сегодня он герой – ходит с орденами. Геройствует! Двоих евреев убили якобы за сон на посту... Еще одного - за новенький парабеллум... позавидовали...

Куда бежать? В гетто? Я хотел защищать Родину... отомстить за родных... А Родина? У партизанских командиров были секретные инструкции из Москвы: евреям не доверять, в отряд не брать, уничтожать. Нас считали предателями. Теперь мы об этом узнали благодаря перестройке.

Человека жалко... А как лошади умирают? Лошадь не прячется, как другие животные: собака там, кошка, корова и та убегает, лошадь стоит и ждет, когда ее убьют. Тяжелая картина... В кино кавалеристы несутся с гиком и с шашкой над головой. Бред! Фантазия! В нашем отряде одно время были кавалеристы, их быстро расформировали.

Лошади не могут идти по сугробам, тем более скакать, они застревают в сугробах, а у немцев мотоциклы – двухколесные, трехколесные, зимой они ставили их на лыжи. Ездили и с хохотом расстреливали и наших лошадей, и всадников. Красивых лошадей могли пожалеть, видно, среди немцев было немало деревенских парней...

Приказ: сжечь хату полицаю... Вместе с семьей... Семья большая: жена, трое детей, дед, баба. Ночью окружили их... забили дверь гвоздями... Облили керосином и подожгли. Кричали они там, голосили. Мальчишка лезет через окно... Один партизан хотел его пристрелить, а другой не дал. Закинули назад в костер.

Мне четырнадцать лет... Я ничего не понимаю... Всё, что я смог – запомнил это. И вот рассказал... Не люблю слова «герой»... героев на войне нет... Если человек взял в руки оружие, он уже не будет хорошим. У него не получится.

Помню блокаду... Немцы решили очистить свои тылы и бросили дивизии СС против партизан. Навешали фонарей на парашютах и бомбили нас день и ночь. После бомбежки – минометный обстрел. Отряд уходил небольшими группами, раненых увозили с собой, но закрывали им рот, а лошадям надевали специальные намордники.

Бросали все, бросали домашний скот, а он бежал за людьми. Коровы, овечки... Приходилось расстреливать... Немцы подошли близко, так близко, что уже слышны были их голоса: «о мутер, о мутер»... запах сигарет... У каждого из нас хранился последний патрон... Но умереть никогда не опоздаешь. Ночью мы... трое нас осталось из группы прикрытия... вспороли брюхо убитым лошадям, выкинули все оттуда, и сами туда залезли.

Просидели так двое суток, слышали, как немцы ходили туда-сюда. Постреливали. Наконец наступила полная тишина. Тогда мы вылезли: все в крови, в кишках... в говне... Полоумные. Ночь... Луна светит...

Птицы, я вам скажу, нам тоже помогали... Сорока услышит чужого человека – обязательно закричит. Подаст сигнал. К нам они привыкли, а немцы пахли по-другому: у них одеколон, душистое мыло, сигареты, шинели из отличного солдатского сукна... и хорошо смазанные сапоги... У нас самодельный табак, обмотки, лапти из воловьей кожи, прикрученные к ногам ремешками. У них шерстяное нательное белье... Мертвых мы раздевали до трусов! Собаки грызли их лица, руки. Даже животных втянули в войну...

Много лет прошло... полвека... А ее не забыл... эту женщину... У нее было двое детей. Маленьких. Она спрятала в погребе раненого партизана. Кто-то донес... Семью повесили посередине деревни. Детей первыми... Как она кричала! Так люди не кричат... так звери кричат...

Должен ли человек идти на такие жертвы? Я не знаю. (Молчит.)

Пишут сейчас о войне те, кто там не был. Я не читаю... Вы не обижайтесь, но я не читаю...

Минск освободили... Для меня война кончилась, в армию по возрасту не взяли. Пятнадцать лет. Где жить?

В нашей квартире поселились чужие люди. Гнали меня: «Жид пархатый...».

Ничего не хотели отдавать: ни квартиры, ни вещей. Привыкли к мысли, что евреи не вернуться никогда...

Записала Светлана Алексиевич

«Время секунд хэнд»

<https://censuru.net/28761-vsju-zhizn-ruki-po-shvam-ne-smel-piknut-teper-rasskazhu.html>